

Жгутовидные мотивы на вещах БМАК указывают на существование ритуалов и мифологических текстов, в которых реализовались образы окружающей мир змеи и обтекающих его вод, края, предела, связи между зонами по вертикали. В поле их значений – и образы обновляющейся природы, изобилия, процветания, жизни и долголетия, безопасности и судьбы, власти. В ритуалах этой культуры универсальный знак круга сочетался с образом жгута, пряденой из шерсти нити или веревки и изделий из нее, в частности одежды⁸⁴. Другие знаки «притягивались» на различных основаниях – внешнего сходства (змея, вода, вьющееся растение), функции (покрывать, окружать, защищать – стены архитектурных комплексов, браслеты, шейные украшения, пояса), принадлежности к периодам хозяйственной деятельности (периоды ухода за скотом, женские домашние работы – прядение, ткачество).

Как и в других случаях интерпретации семантики и смысла ритуальных вещей или вербальных мотивов, присущих культурам традиционного типа, внимание к одному влечет за собой обращение к цепочкам вещественных воплощений значений и смыслов, которые в конечном счете предполагают реконструкцию образа мира. Разумеется, особенно когда объект – свидетельство бесписьменной культуры, результаты реконструкции более, чем в более благоприятных исследовательских ситуациях, носят гипотетический характер.

ON INTERPRETATION OF TWIST MOTIFS
ON THE OBJECTS OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX
OF BACTRIA AND MARGIANA

Ye. V. Antonova

The author analyzes the semantics of various twist motifs framing the images on amulet seals of the archaeological complex of Bactria and Margiana (the greater part of the objects in question are round in form). This motif is considered to be a symbol of sacral border keeping out the evil and retaining the good. The analyzed material of this complex and some analogies in other traditions make it possible to maintain that for its creators the motif was connected with real things bearing a mythological meaning, such as ropes and threads, but also with snakes, water and the ideas of reviving nature, abundance, life and power. As it is usually the case with signs used within a traditional culture, the semantics of twist must be referred to the image of the world relevant for its creators. It is highly probable that ropes, stripes etc. were used in ecstatic rituals reflected in the evidence of other types (the use of plants causing ecstatic states and the character of the images on the seals).

© 2005 г.

О. М. Городецкая

ЛИКИ ШАН/ИНЬ (КИТАЙ, II тыс. до н.э.)

Китай – цивилизация множественного числа. В исходных понятиях китайского языка присутствует не человек, а люди, не Небо, а троичные, пятеричные, девяттеричные, восьмидесятидноричные небеса, не Земля, а земли, не Бог, а сонмы духов и божеств. Тому же закону множественности подчинена и китайская история. В течение тысячелетий на территории Поднебесной сменялись разноименные большие и малые государства, мировые и локальные культуры. Но при этом одной из важнейших особенностей большинства китайских культур последних трех с лишним тысячелетий является исто-

⁸⁴ Напомним, что во многих традициях прядение и ткачество осуществляются одним мифологическим персонажем (*Гопоров. Пряжа...*).

ричность. Исторические документы на бронзе, камнях и бамбуковых планках II–I тыс. до н.э., детальные хроники, составленные по записям придворных звездочетов-историков I–II тыс. н.э., ежедневные отчеты о событиях в Поднебесной, хронологические подборки и биографические материалы летописного фонда империи Цин (XVII–XX вв.), а также страсть китайцев последнего столетия к фотографическому запечатлению себя во всех событиях – все это явления одного порядка.

Начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) широкое распространение получили и ретроспективные историописания, первыми из них стали «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня (145–? гг. до н.э.). В течение веков этот и другие подобные тексты были каноном понимания китайской истории. Однако археологические открытия последнего столетия заставили иными глазами взглянуть на священные исторические каноны и увидеть, что в этих текстах скрупулезно собранная информация сочетается с интерпретациями более поздних культур. Стремясь к традиционализму и связи с древностью, Китай сберегал древние формы. Однако при этом в сменах эпох, династийных правлений и этнического состава населения нередко забывался исходный смысл явлений. Повторяя старые образцы, новые эпохи наделяли их новым содержанием. Оно было и близким, и далеким. Трансформациям подвергалось все, начиная с основы культуры – иероглифики. Знаки теряли и исходное звучание, и исходную семантику, приспосабливаясь к реалиям жизни. Это ставит вопрос адекватности понимания многих древних текстов.

Археологические открытия последнего столетия позволяют сопоставить реальные находки с ретроспективными историописаниями, частично подтвердить и частично опровергнуть знаменитые тексты. Одним из величайших открытий начала XX в. стали города II тыс. до н.э., величественные погребения и гадательные письмены на панцирях-костях. Эти открытия подтвердили существование государства Шан/Инь, имена и деяния правителей, описанные в «Исторических записках». Перед историками воочию предстал описанный Сыма Цянем шан-иньский погребальный ритуал с усекопанием голов человеческим жертвам. Согласно пояснениям Кун Ин-да (574–648) к «Запискам о благопристойности» («Ли цзи»), в Инь использовали вещи живых людей и самих живых людей, преподнося их покойному в качестве жертвенной пищи, вскармливая ими великий дух царственного предка¹.

Однако далеко не все нарративные источники находят археологическое подтверждение. Один из подобных вопросов касается персонафицированных человеческих изображений. В единственной крупной монографии, посвященной истории китайского портрета², утверждается, что зарождение портрета в Китае произошло в эпоху Шан. В качестве аргумента приводятся бронзовые сосуды с более-менее реалистически исполненными человеческими лицами, а также знаменитый эпизод о пророческом сне иньского царя У-дина (традиционно считается, что он правил 21 год в промежутке 1324–1266 или 1238–1179 гг. до н.э.) из «Записей о поколениях императоров и царей» («Ди ван ши цзи») историка Хуанфу Ми (215–282)³. В «Ди ван ши цзи» говорится, что У-дин увидел во сне мудреца, которого звали Юэ. Осмотрев всех приближенных, он не нашел никого, кто бы на него походил. Тогда царь приказал *бай-гунам* нарисовать с царских слов портрет и по этому портрету всюду искать мудреца. Его нашли среди каторжников и привели к правителю, который признал в колодочнике героя своего сна, а побеседовав, убедился, что тот действительно мудрый человек. Так явившийся во сне У-дину и запечатленный на написанном с царских слов портрете мудрец Юэ стал

¹ «Записки о благопристойности» («Ли цзи») – канонический конфуцианский памятник, созданный в IV–III вв. до н.э., дополненный и отрецензированный во II–I вв. до н.э. См. Ли цзи чжэн и («Правильный смысл "Записок о благопристойности"»). Т. 2/1–8; Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатиканоние» с комментариями и толкованиями). Т. 20. Шанхай, 1957. С. 406–407.

² *Lancman E. Chinese portraiture.* Tokyo, 1966.

³ Ди ван ши цзи цзи цунь (Собрание сохранившихся отрывков из «Записей о поколениях императоров и царей»). Пекин, 1964.

первым советником, и с тех пор иньское государство управлялось хорошо⁴. Аналогичный эпизод приводится и в гл. 3 «Исторических записок» Сыма Цяня, однако без указания на создание портрета⁵. Что касается термина *бай-гун*, то обычно, и в частности в комментарии к «Ши цзи», он трактуется как аналог *бай-гуань* (сто чиновников), однако, по мнению Фань Вэнь-ланя, *бай-гуны* возглавляли ремесленных рабов и владели специальными навыками, которые передавали из поколения в поколение⁶. Такая трактовка более соответствует и самому термину *гун* – ремесленник. Возможно, имеется в виду некая специальная художественная артель, не исключено, что реально существовавшая при дворе иньских правителей. Однако знакомство с синхронными археологическими памятниками исключает вероятность создания шанскими художественными ремесленниками персонифицированных изображений.

Археологические раскопки на территории Ань-яна (XIV–XI вв. до н.э., провинция Хэнань)⁷, где некогда находилась иньская столица, позволяют конкретно увидеть искусство периода правления У-дина. Знаменитая гробница № 5 – единственная на сегодняшний день царская могила Шан/Инь, найденная в неразграбленном виде, оказалась захоронением супруги У-дина, Фу Хао, которая к тому же была великим полководцем и военным стратегом. Могила расположена вне главного комплекса царского кладбища и состоит из верхнего помещения размером 5,6 × 4 м, где размещены останки Фу Хао, большая часть посуды и предметов. Ниже устроено небольшое углубление, где найдены останки шести собак, и по периметру разложены скелеты 16 человеческих жертв. В яме была деревянная палата 5 м длиной, 3,5 м шириной и 1,3 м высотой. В пределах палаты был помещен лаковый гроб царицы, который, к сожалению, истлел. В надписях гадательных костей говорится, что супруга У-дина была военачальником, участвовала в нескольких военных кампаниях и осуществляла контроль над важными жертвенными церемониями. Примечателен тот факт, что имя великой царицы не было известно ни Сыма Цяню, ни его последователям. Великие завоевательные походы У-дина описываются в ретроспективных хрониках без упоминания об этой женщине.

Всего в гробнице Фу Хао было найдено 468 бронзовых предметов, 755 нефритовых изделий, 63 изделия из камней недрагоценных пород, 5 предметов из слоновой кости, среди которых большой (высотой 30,5 см) кубок из цельного куска слоновьего бивня, инкрустированного бирюзой с изображениями масок и прочих узоров, дополненный костяной ручкой в форме головы хищной птицы⁸, 564 предмета из кости рогатого скота (среди которых было 500 резных шпилек для волос) (рис. 1–8) 11 керамических изделий и 6900 раковин каури⁹.

Среди бронзовой утвари здесь был найден топор (39,3 × 38,5 см), которым были отрублены головы жертв, погребенных с воинственной царицей (рис. 1). В центре этого топора изображена человеческая голова в окружении двух драконов с нацеленными на нее распахнутыми пастьми¹⁰.

Рельеф другого бронзового топора из соседней Ань-янской гробницы (рис. 2) выглядит как устрашающая маска с прорезанными насквозь контурами глаз со зрачками, оскаленного рта, ушей и бровей (устрашающий лик божества смерти или первопродок, принимающий в себя дух умершего?).

Нефритовые изделия из гробницы Фу Хао аналогичны шанским нефритам из других захоронений. Это резные и покрытые тонкой абстрактной гравировкой фигурки

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Эр ши у ши. Т. 1. С. 12; Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972. С. 173.

⁶ Фань Вэнь-лянь. Древняя история Китая. М., 1958. С. 53.

⁷ См. *Li Chi*. Anyang. Seattle, 1971.

⁸ Чжунго чжун-да као-гу фа-сянь («Великие археологические открытия Китая»). Пекин, 1990. С. 100; Men and Gods. New Discoveries from Ancient China. Louisiana. Museum of Modern Art, 1997. P. 50–51.

⁹ Инь сюй Фу-хао му («Иньские развалины гробницы Фу Хао»). Пекин, 1980.

¹⁰ Чжунго чжун-да као-гу фа-сянь («Великие археологические открытия Китая»). С. 94; Men and Gods... P. 49.

1

3

2

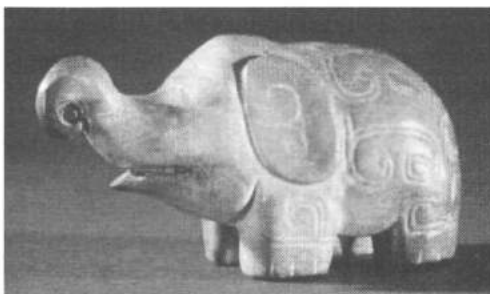
Рис. 1–3. Предметы из погребений Ань-яна: 1 – бронзовый топор из гробницы Фу Хао; 2 – бронзовый топор с прорезанной маской; 3 – кубок из гробницы Фу Хао. Слоновая кость, бирюза

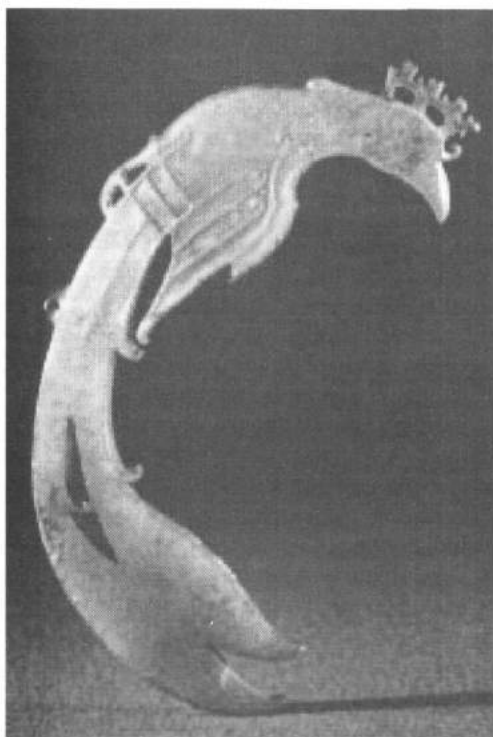
4

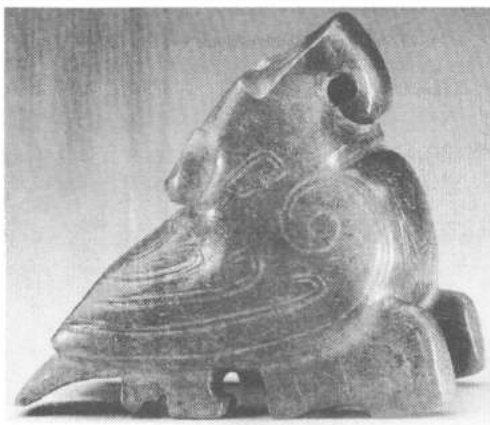
6

7

5

8

Рис. 4–8. Нефриты Фу Хао: 4 – чиновник, «пронзенный стрелой»; 5 – феникс; 6 – лицо нефритового человека; 7 – нефритовые тигр и слон; 8 – птица

медведей, слонов, драконов, фениксов и людей, выполненные на высоком техническом и художественном уровне (рис. 4–8). Назначение этих предметов неизвестно, а созданные ими образы весьма выразительны. Среди нефритовой пластики Фу Хао обращает на себя внимание небольшая (7 см высотой) фигурка коленапреклоненного человека в головном уборе, похожего на чиновника (рис. 4). Из спины у него выступает, видимо, крепеж, что создает впечатление, будто он пронзен стрелой¹¹.

В настоящее время культура Шан-Инь является самой древней из более или менее изученных эпох. Хотя в вопросе ее генезиса мнения ученых в целом едины, по ее датировке существуют разногласия: начало определяется в границах XIX–XVI вв. до н.э., а конец – XII–XI вв. до н.э. Это колебание связано с вопросом о якобы предшествовавшей Шан первой династии Ся, от названия которой произошел термин *хуа-ся*, означающий основной древнекитайский этнос периода Чжоу (XII–III вв. до н.э.). Династия Ся, согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, была основана императором Юсм, усмирившим мировой потоп. Китайские археологи упорно ищут Ся в бассейне реки Хуан-хэ и термином «Ся» называют разные типы протошанской (или раннешанской?) культуры.

Однако изучение письменных памятников Чжоу, где идеализируют время Ся и приписывают ему реалии Чжоу, противопоставляя их испорченности нравов Шан/Инь, позволяет предположить, что Ся – не что иное, как ранняя культура проточжоуских племен. К тому же в иньских надписях на костях нет упоминания Ся. Хотя это лишь рабочая гипотеза, пока почти не имеющая конкретной доказательной базы, однако из письменных памятников Чжоу отчасти видно, что чжоусцы апеллировали к временам Ся как к соответствующим их пониманию «гуманности» («~подобающего человеку») и благопристойности и отрицали «гуманность» ритуалов государства Инь. Понятие Ся, образ Юя впервые появились в чжоуских текстах «Ши» и «Шу». Не исключено, что проточжоусцы-сяцзы жили и в иньские, и в доиньские времена. После усиления Инь и иньских завоевательных походов они были отчасти поработены Инь, но затем, когда царство Чжоу возвысилось, оно стало утверждать своих прародителей как первую династию всей Поднебесной. В отечественной исторической науке сходное мнение уже высказывалось Л.С. Васильевым: «Следует заметить, что аутентичные иньские источники, надписи на гадательных костях и черепашьих панцирях ничего не говорят о подобного рода преданиях. Более того, вообще не упоминают о Ся, не используют этого знака для обозначения государства либо династия и не содержат никаких данных о том, что такого рода государство (или династия) когда-либо существовало в Китае до Шан-Инь, даже под иным именем. При всем том, что иньские надписи содержат весьма много сведений о соседних народах и взаимоотношениях с ними на протяжении ряда веков, такое умолчание красноречиво. Конечно, не исключено, что иньцы до оседания их в бассейне Хуанхэ и тем более в районе Аньяна, где они оказались не сразу, имели столкновения с иными обитавшими в этом регионе народами, может быть, даже и протогосударствами. Возможно, эти столкновения привели к гибели какие-то более или менее известные и даже достаточно долго существовавшие протополитические и политические структуры, воспоминания о которых впоследствии легли в предание о Ся... Известно, что в начале Чжоу, когда предания записывались, термином Ся обозначалась совокупность китайских земель и населения. Не исключено, что вторжение иньцев в бассейн Хуанхэ и приход их в район Аньяна со временем и были осмыслены как замена одних (Ся) другими (иньцами)»¹². Вопрос о племени или государстве Ся так и остается открытым, и, видимо, для понимания этого явления необходимо ответить на другой столь же открытый вопрос – о происхождении Чжоу. Исследование истории I тыс. до н.э. все больше приводит к мысли об уникальности этого явления для Китая и недостаточной его объяснимости с точки зрения будь то его иньской предыстории или дальнейшего развития.

¹¹ The great Treasure of Chinese Fine Arts. Sculpture I. Beijing, 1988. P. 26.

¹² Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 2001. С. 112.

Впрочем, полтора столетия назад и Шан представлялась легендой, поэтому не исключено, что со временем археология сможет доказать и реальность Ся. Однако на сегодняшний день ранняя бронзовая культура Эр-ли-тоу (XVIII–XVI вв., провинция Хэнань), которую часто называют сяской¹³, укладывается также во временные границы Шан, по варианту ранней датировки¹⁴. К.В. Васильев также склонен считать Эр-ли-тоу культурой раннего Шан, возросшей на основе энеолитической культуры Хэнаньского Лун-шаня, который в свою очередь вышел из Лун-шаня Хубэй¹⁵. Эта территория интересна тем, что в дальнейшем здесь возникло государство Чу (XI–III вв.), согласно представлениям многих современных китайских исследователей ставшее колыбелью великой империи Хань (III в. до н.э.–III в. н.э.). Согласно материалам, обнаруженным в могилах Эр-ли-тоу¹⁶, погребальный ритуал здесь сопровождался принесением человеческих жертв, что также наблюдалось в некоторых погребениях Луншань (2500–1700 гг. до н.э.) и повсеместно присутствует в Шан. Кроме того, культура Эр-ли-тоу демонстрирует образцы нефритов, близких к шанской стилистике, а также выплавляет первые бронзовые треножники, которые, однако, еще лишены каких-либо рельефных узоров (рис. 9). Но самое важное из местных находок – письменность, близкая к шанскому письму на панцирях и костях (рис. 10).

Расшифровка надписей на древних костях из захоронений XVI–XI вв. до н.э. позволила установить, что Верховным божеством в эпоху Шан-Инь почитался Первопредок Шан-ди, в чьем образе сливались зооморфные, антропоморфные и сверхъестественные черты. Сообразно этим представлениям, в самых ранних захоронениях Шан (XIV–XIII вв. до н.э., провинция Хэнань) уже встречаются зооантропоморфные нефриты¹⁷. Например, плоская удлиненная фигурка (9.3 см) «оперенного» человека, с двух сторон имеющего по лицу (рис. 11). Подобные птице-люди обычны для шанских захоронениях и среднего, и позднего времени. Другой пример совмещения звериного и человеческого облика – фигурка из горного хрусталя «стоящего на четвереньках» получеловека, полуобезьяны из раскопок Ань-яна (рис. 12), ныне хранящаяся в Музее археологии в Пекине (6.3 см). Начиная с периода раннего Шан также встречаются и зооморфные, и зооантропоморфные маски. В более ранних экземплярах звериные черты преобладают. Изначна и тонко проработана маска льва (?) (рис. 13).

Пластически насыщена и синкретична шанская ритуальная бронза. Ей присуща избыточная энергия. Многообразные формы, обладая самоценной выразительностью, перетекают друг в друга, сплетаются в тугие, причудливые композиции. Часто реалистические формы покрывают рельефы абстрактных орнаментов, среди которых присутствует мотив маски. Такова курильница высотой 17.5 см в форме слона со слоненком (XII в. до н.э.), найденная в Ань-яне и хранящаяся во Фрирской галерее (рис. 14)¹⁸.

Антропоморфные образы шанского искусства довольно многочисленны, но в основном представлены в виде выразительных бронзовых масок, в которых общая форма человеческого лица сочетается с зооморфными и фантастическими деталями. Маски иногда существовали отдельно, иногда включались в орнаментальные мотивы, а иногда являлись крышками для сосудов. Такова Ань-янская курильница XII в. 18.5 см высотой из Фрирской галереи¹⁹. Крышкой ее является полуобезьянья маска (рис. 15), а по бокам тулова присутствуют два разных изображения одноногого дракона куй. Маски, выступающие горельефом на тулове квадратного жертвенного сосуда XII в. до н.э. высотой 38.5 см (рис. 16), наиболее антропоморфны. Происходит сосуд из захоро-

¹³ Childs-Johnson E. Symbolic jades of the Erlitou period: a Xia royal tradition // Archives of Asian Art. 1995. 48. P. 64–90; Thorp R.L. Erlitou and the search for the Xia // Early China. 1991. 16. P. 1–38.

¹⁴ См. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. С. 378–379.

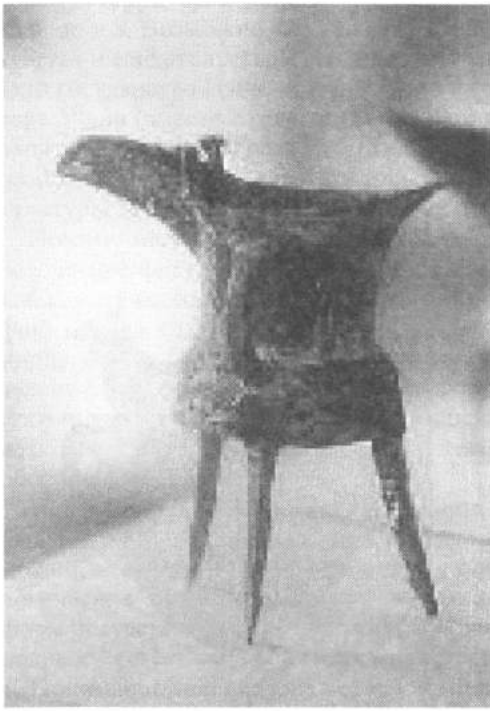
¹⁵ Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 69–79.

¹⁶ История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997. С. 198.

¹⁷ Чжэнчжоу Шан чэн 1953–1985 нянь као-гу фа-цзюэ бао-гао («Отчет об археологических находках периода 1953–1985 шанского городища в Чжэнчжоу»). Т. 1–3. Шанхай, 2001.

¹⁸ The Freer Chinese Bronzes. Catalog. V. 1. Washington, 1967. P. 228–231.

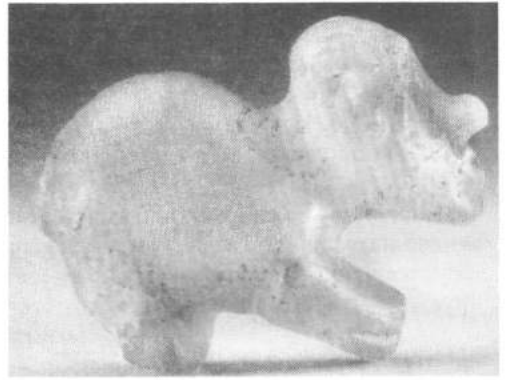
¹⁹ Хранится во Фрирской галерее: The Freer Chinese Bronzes. Catalog. V. 1. P. 222–227.

9

10

12

11

13

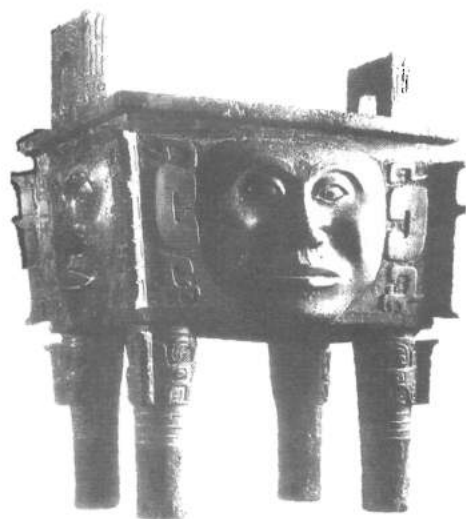
Рис. 9–13. Бронзовые культуры Эр-ли-тоу и Эр-ли-ган (ранняя Шан-Инь); 9 – бронзовый треножник (Эр-ли-тоу); 10 – письменные знаки (Эр-ли-тоу). Зооантропоморфные образы Шан; 11 – нефритовая фигурка (Эр-ли-ган); 12 – хрустальная обезьяна (Ань-ян); 13 – нефритовая маска льва (Эр-ли-ган)

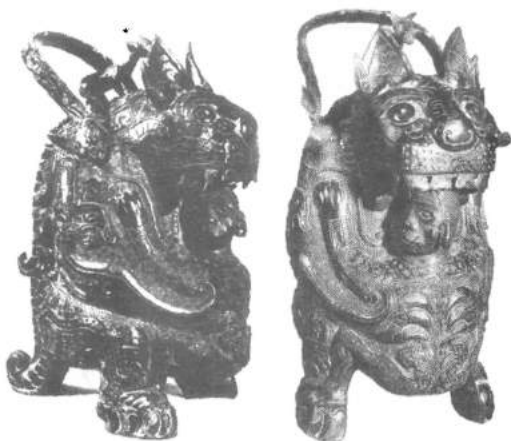
14

15

16

17

Рис. 14–17. Зооантропоморфные образы в шанской бронзе: 14 – курильница в форме слона со слоненком на спине; 15 – маска как крышка бронзового сосуда; 16 – маски на тулове сосуда из раскопок Чу периода Шан-Инь; 17 – чудовище, пожирающее мальчика

нения с территории царства Чу, которое, согласно Сыма Цяню, сформировалось в XI в. до н.э. Возможно, эту находку следует считать произведением проточуского искусства и свидетельством его иньских корней²⁰. До Чу на этих территориях существовало государство Цзин, которое было в союзе с юго-западным царством Шу. Иньский царь У-дин (вместе с генералом Фу Хао) покорил южные земли Цзин и Шу, о чем говорится в последнем разделе «Ши цзина» – «Шанские гимны» («Шан сун»). Этот факт особо важен для анализа южношанского ареала и, в частности, недавних находок культуры древнего Шу – Сань-син-дуй (ок. XII в. до н.э., провинция Сычуань).

Помимо масок в китайских изображениях шан-иньского времени встречаются и человеческие фигуры. Правда, в бронзе до настоящего времени известен лишь один такой памятник: сосуд в виде чудовища, пожирающего мальчика (рис. 17). Человеческие формы здесь еще не выделены из единых форм естественного и сверхъестественного миров, и поэтому создается образ первоструктуры исходного живого комка, когда все явления, еще держась вместе, уже начинают формировать и выделять свою самостоятельную плоть. Единые силуэты древних бронзовых сосудов с их архитектурной четкостью воспринимаются мощной твердыней, сдерживающей центробежные силы обособляющихся форм.

Нефритовые «люди» иньских гробниц порой выглядят очень «по-человечески», но бывают и весьма причудливы и больше похожи на зверей с человеческим лицом. Возможно, это действительно какие-то полузооморфные, полуантропоморфные мифологические персонажи. Такие находки подтверждают наличие антропоморфных форм искусства в Шан-Инь и то, что человек здесь предстает в качестве одной из природных – естественных и сверхъестественных форм.

Понимание явлений в их исходном множестве свойственно китайскому менталитету и языку. В связи с этим и образ Шан-ди в настоящее время также получил толкование не как уникального верховного (*шан*) существа, но как совокупности предшествующих (*шан*) поколений правителей (*ди*)²¹, что представляется вполне вероятным и корреспондируется с образным строем шанской бронзы.

Таким образом, в изображениях II тыс. до н.э. превалируют идеи божественного лика и природного синкретизма. Говорить о каких-либо зачатках в Шан-Инь конкретизации человеческих изображений, концентрирующих внимание на одном индивидуальном объекте, безусловно, не приходится.

Легенда, зафиксированная в «Ди ван ши цзи», больше свидетельствует о значимости конкретных личностей, не облеченных небесной властью, и их портретных изображений в III в. н.э., нежели в XIII в. до н.э. Источник помещает их во времена седой древности, показывая при этом, насколько они могут быть государственно необходимы, в то время как этого в полной мере не было еще даже во времена Сыма Цяня, в тексте которого не упоминается о создании портрета. Безусловно, это легенду, к тому же зафиксированную лишь в III в., трудно считать исторически достоверной. Она скорее служит иллюстрацией китайского менталитета, когда все достижения культуры, в том числе уже вполне развившееся к III в. портретное искусство, считаются существовавшими с незапамятных времен²².

В свою очередь культ человеческого лица (масок) и наиболее частый изобразительный мотив антропоморфного или зооморфного лица-маски в культуре Шан/Инь, вероятно, непосредственно связан с ритуалом умерщвления жертв именно посредством отрубания голов (лица). Связь бронзовых и нефритовых ликов с погребальным ритуалом явствует из их обязательного присутствия на топорах для отрубания голов жертвам. Изображение маски всегда связано с идеями потустороннего божественного лика, в то время как человеческая фигура, даже если она призвана воплотить божест-

²⁰ Men and Gods... P. 55, 107.

²¹ Васильев Л.В. О Шанди (Шан-ди) // XXII научная конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 1. М., 1991.

²² Ди ван ши цзи цзи цунь. С. 72.

во или имеет иное сакральное назначение – это всегда человек. Если божество имеет форму человека, то и сам человек божественен. Поэтому в древности именно полнофигурные изображения, а не лица говорят о понимании культурной значимости человека. Однако полнофигурные изображения, в отличие от личинных, в эпоху Шан/Инь встречаются достаточно редко.

Явление маски как «сверхъестественного лица», почти что «лика божьего», свидетельствует об особом почтительном отношении к лицу, в том числе и человеческому. Однако в I тыс. до н.э. образ «божественного лица» исчезнет из культурной парадигмы, а на рубеже эр начнет формироваться концепция государственного «лица». Древние же лики так и остаются загадкой, рождающей множество гипотез.

THE FACES OF SHANG/YIN (CHINA, THE II MILLENIUM BC)

O. M. Gorodetskaya

The famous tomb from the excavations of An'yang, discovered during the recent years of great archaeological finds in China, is the only known intact royal sepulchre of the Shang/Yin period. It was attributed to Fu-hao, the militant spouse of Wu-ding. The type of entombment and the unearthed artefacts partly confirm and partly contradict and augment the data to be found in «The Historical Records» («Shi ji») by Sima Qian (145–? BC) and in «The Records of Imperial and Royal Genealogy» («Di wang shi ji») by Huangfu Mi (215–282). The article juxtaposes currently available literary and archaeological data of the time of Wu-ding's rule.

The article also touches upon the role of anthropomorphic masks in the Shang culture. The most frequent pictorial motif of anthropomorphic and zoomorphic face-masks can be explained by the ancient custom of ritual killing by decapitation for the purposes of co-interring. The connection of these bronze or jade face-masks with funeral rites can be inferred from the presence of identical images on the sacred axes used for ritual decapitation.